

К Р О К О Д И Л

Рис. Л. Бродского

— Путь тяжелый! Хватит ли материала для дороги?

Чингисхан с самолетом

В XII СТОЛЕТИИ Чингисхан прошел как смерч по земле.

Когда он брал города, он не оставлял камня на камне.

Историки пишут, что гора мусора оставалась там, где были цветущие города и поселения.

Мужчин поголовно истребляли. Женщины насиловали и уводили в плен, а детям разбивали головы о камни.

И когда я в юности читал эти строчки, мне делалось скучно и совестно, что это так было в истории людей.

Но я с облегчением вздыхал. Думал: это ж—

далекое прошлое. Заря человеческой жизни. Грубость нравов. Отсутствие культуры и цивилизации. Все это, я думал, прошло безвозвратно и больше никогда не повторится.

Но снова мусор от разрушенных городов, снова груды убитых детей, снова непомерная жестокость и лютая ненависть: фашистская армия повторяет то, что было восемь веков назад.

Вот великолепный самолет распластал свои крылья в поле. Изумительный самолет— детище современной техники— готов в далекий путь. Рядом с самолетом стоит летчик. На рукаве его куртки сатанинская свастика.

Может быть, этот летчик, я извиняюсь, летит в научную экспедицию?

Может быть, он держит курс в Арктику— изучить магнитные отклонения?

Ничего подобного! Под самолетом подвешены бомбы. Человек летит сеять смерть и разрушение.

Но, может быть, это патриот своего отечества, может быть, враги напали на его страну, и теперь надо защищать свою родину?

Нет! Он летит по приказу своего начальства завоевывать чужие земли.

Но, может быть, на душе у него нехорошо, может быть, его ум и сознание протестуют?

В его стране не велено думать. И тем более не велено думать солдату. «Сознание,— сказал «фюрер»,— приносит людям неисчислимые беды». Стало быть, не надо думать, а надо без всяких мыслей исполнять то, что приказано.

Но если все-таки солдат задумался? Если, ворочаясь на койке, он подумал с содроганием, зачем и для чего он бросил сегодня тридцать бомб на крыши цветущего города, на головы жителей, которые ни в чем не повинны; они повинны только в том, что не хотят увидеть врага на своей земле.

Ну что ж, если солдат так подумал, кого утешению имеется научная фашистская литература, которая разъяснит сомнения.

Бомбы? Воздушные бомбардировки городов? О, это же весьма полезно! Это приносит облегчение людям.

«Коричневая книга» приводит статью, помещенную в фашистском журнале.

Одно заглавие этой статьи уже многое говорит. Статья называется «О пользе воздушных бомбардировок».

Только преступник или тупица мог написать такую статью. Там вот что сказано:

«Взрывы тяжелых снарядов, весом в тонну и больше, помимо смерти, которую они сеют, вызывают случаи помешательства. Люди, нервная система которых недостаточно сильна, не смогут вынести такого удара. Таким образом, воздушные бомбардировки нам помогут обнаружить невравстеников и устранить их из социальной жизни».

Эту мракобесовскую статью тяжело и отвратительно читать.

Собственно говоря, неизвестно, на какую дубовую голову она рассчитана. Но она явно рассчитана на то, чтоб человек утешился, если в его голове шевельнется живая мысль.

Воздушные бомбардировки? Ничего. Это полезно. Слабые и старые люди ненужны. Что касается детей, то и «дети пусть лучше погибнут от бомбы, чем от скарлатины».

Вот дьявольская философия, которая могла возникнуть лишь в больной и дырявой голове.

В каком-то диком племени когда-то, говорят, существовал обычай устранять «из социальной жизни» слабых стариков.

Но как узнать, слабый ли старик? Возраст ничего не говорит: другой старик и в сто лет еще бодрится.

И вот вожди дикого племени придумали способ узнавать слабых.

Подопытному старику велют влезть на дерево. И потом это дерево что есть силы раскачивают. Если старик усидит,—его счастье. Значит, он еще может жить. А нет,—так извиняемся за опыт.

Так и тут. Чингисхан с самолетом изволит «переустроить» социальную жизнь. Он пока что слабых и нервных стряхивает с дерева жизни.

Но сознание нельзя прекратить. Мысль работает, как бы ее ни подавляли.

Тысячи и тысячи немцев думают и страдают от того, что произошло. И они непременно скажут свое слово.

Сознание победит! Ум и справедливость восторжествуют! И философия мракобесов исчезнет, как страшный сон.

Победа будет за нами! Поражение врага, у которого такая философия, неизбежно.

Рис. Л. Генца

Послужный список
т. Соколова

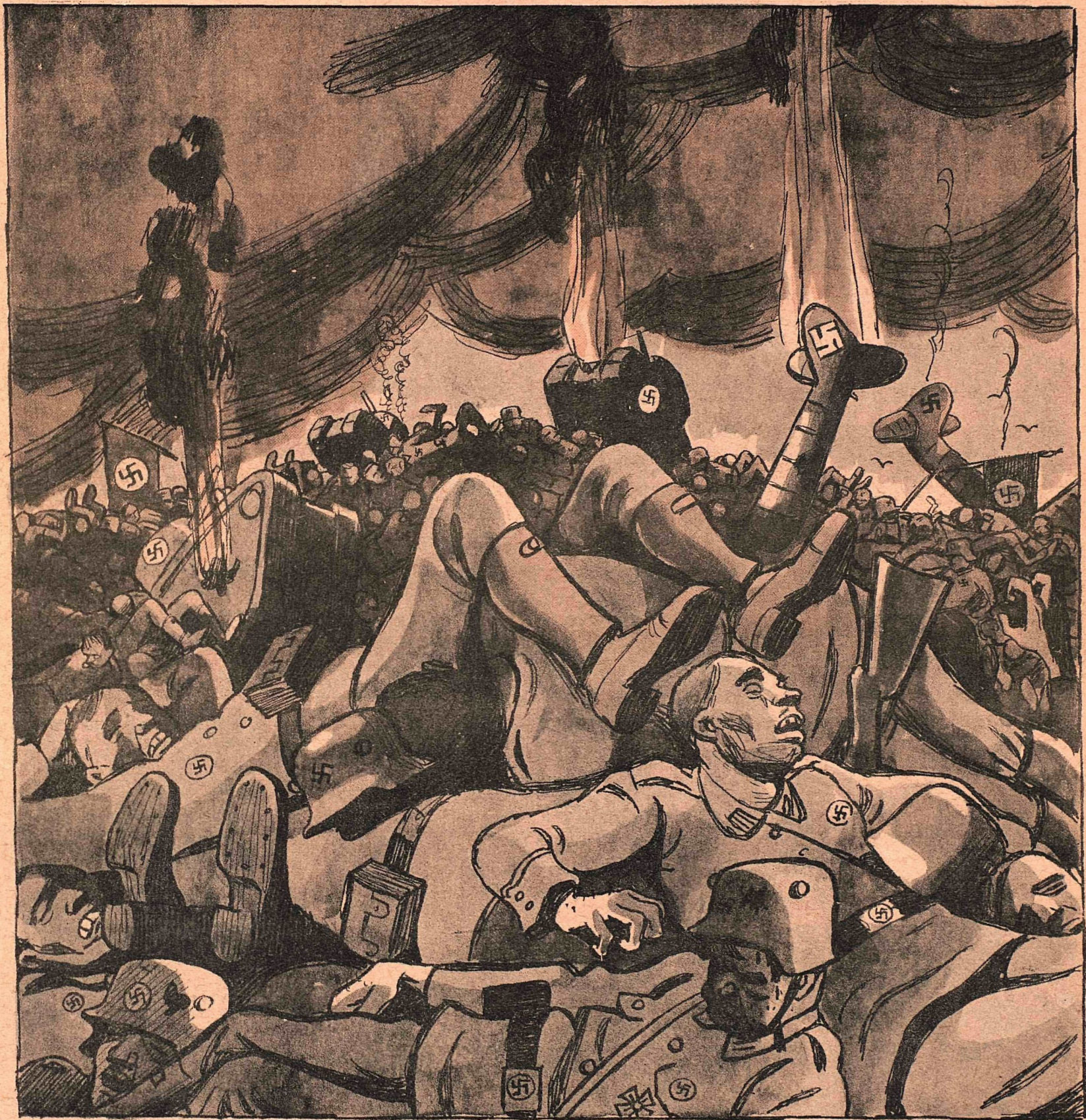
1914₂ — был немцев
1918₂ — был немцев
1941₂ — вступил добровольцем в ряды народного ополчения — бить немцев

Патриот.

МИХ. ЗОЩЕНКО

План завода выполнен на 143 процента. Испытание продукции не дало ни одного процента брака.

Песенка о Максиме

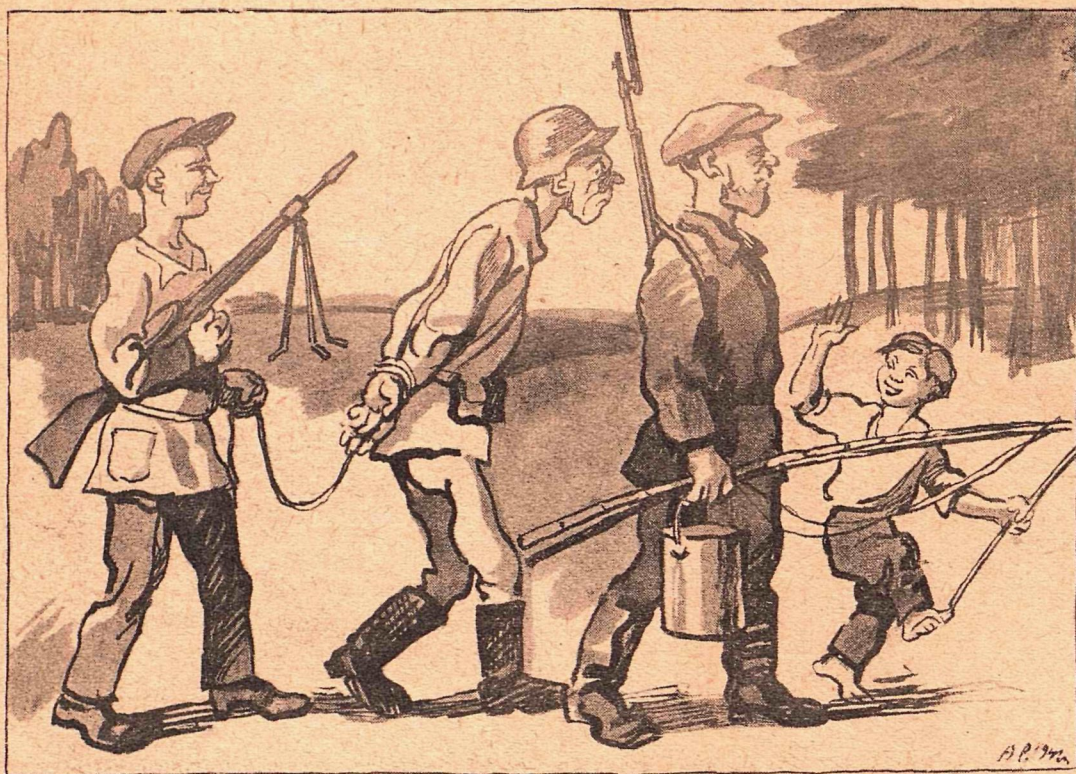
На границе, где ветлы-березки,
Где теперь нам пришлось воевать,
Там служили-дружили два тезки,
И обоих Максимами звать.
Был один пулеметчик толковый —
Познакомьтесь с Максимом моим,
А другой пулемет был станковый,
По прозвищу тоже «Максим».
Крепко связаны дружбой старой,
Проходили походы, бои

Неразлучною дружною парой
Оба тезки — Максими мои.
Очень точно наводит наводчик,
Пулемет же без промаха бьет.
— Так, так, так, — говорит пулеметчик,
— Так-так-так, — говорит пулемет.
От осколка залетной гранаты
Раз попало обоим-двоим.
Пулеметчик был ранен, ребята,
Поврежден пулемет был «Максим»...

Дни леченья проносятся мимо
И дружку произведен ремонт,
И опять оба тезки Максима
Возвращаются вместе на фронт.
Знать, за то, что в бою нестерпимо,
С максимальной силою бьет
И зовут того парня Максимом
И «Максимом» зовут пулемет.

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ

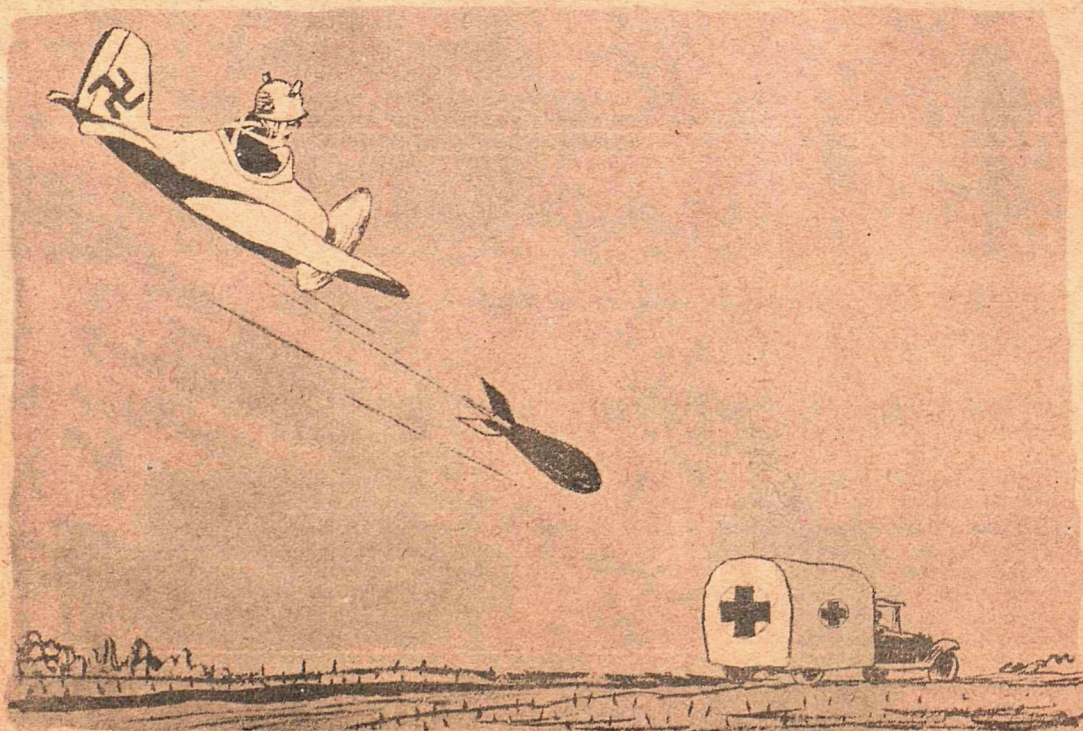
Хороший улов.

СОКРОВЕННОЕ ЖЕЛАНИЕ

Один мюнхенский коллекционер редких фотоснимков сказал недавно своему приятелю:
 — В моей коллекции не хватает одной карточки, за которую я отдал бы полжизни.
 — Что это за карточка?
 — На которой было бы изображено, как вдова Муссолини стоит у гроба Гитлера...

О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ЯЗЫКОВ

Кто с современностью знаком,
 Пусть вспоминает неотступно:
 Владеть полезно языком,
 Но распускать язык преступно!

Гитлер преследует мирные цели.

Столпы фашисте

Походные

Бей, частушка, как из пушки,
 заливайся соловьем,
 мы походные частушки
 под гармошку пропоем.

Гитлер нас разбить задумал:
 в десять дней в Москву
 войду, мол.
 А мы стали поперек;
 ты Берлин бы поберег!

Чтой-то на небе шумит?
 Расшумелся «Мессершмитт»!
 Вдруг упал подстреленный:
 Здесь шуметь не велено!

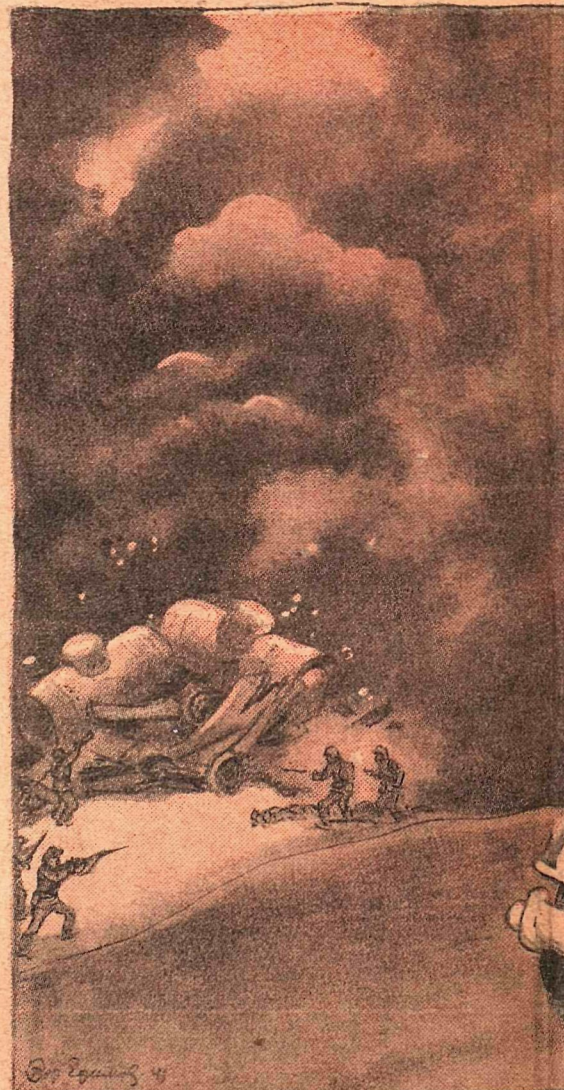
Немец вышил натошак:
 думал, он страшнее так!
 Не придется порезвиться:
 мы заставим протрезвиться.

Запрягал фашист
 нам цари Луи
 Все цари «почти»
 этот кончится в

Запрещен навеки
 вход непрошеным
 поворотим, поко
 да пошлем ко в

Били немцев мы
 на бегу и на хо
 А теперь добить
 сами просятся и

Враг! Пока не
 наш не тронь
 как ударю на
 весь разлезешь

— Вот видите, я же вам говорю всюду пламенным сочувствием.

ного порядка.

Частушки

т обоз,
повез.
ют в бозе»,
обозе.

Черных коршунов залетных
ясный сокол слету бьет.
Соколиную охоту
любит издавна народ.

и к нам
м гостям:
лотим
сем чертям!

Залетай, пилот, покруче,
нападай быстрее зарниц!
Эх, прольется вражья туча
частым ливнем битых птиц!

и на льду,
оду,
придется:
в беду!

Мразь фашистская решила
нашу землю взять огнем.
Что ж, дадим по три аршина,
кол осиновый забьем!

грянул гром,
аэродром:
зенитки —
я по нитке!

С. БОЛОТИН.

ГИТЛЕР (Гebbельсу):—Только когда прочтешь твою сводку,—немного успокаиваешься.

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЙ РАПОРТ

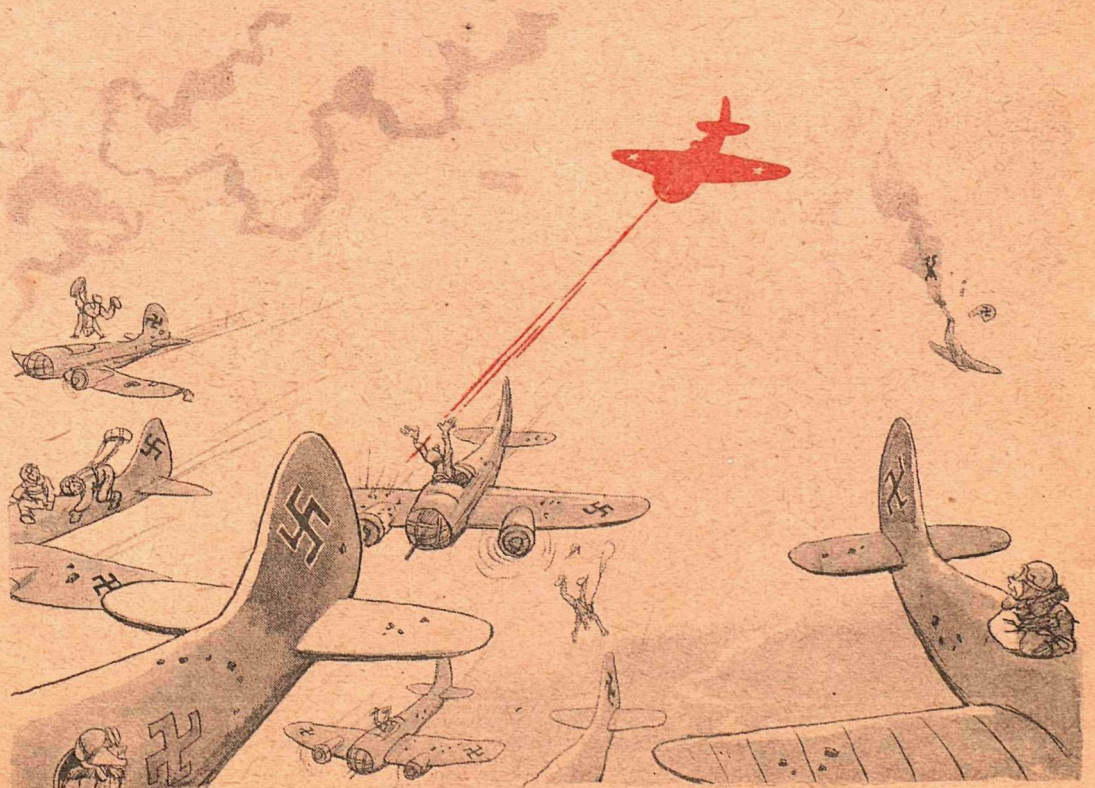
Финский офицер рапортует немецкому полковнику:

- Осмелюсь доложить прорыв не состоялся.
- Скверно!
- Осмелюсь доложить, имеются пленные.
- Ага! Это хорошо. Где же они?
- Осмелюсь доложить... остались у красных.

НЕСКОЛЬКО ЦИФР

Одно безумство — безумство,
Десять безумств — мания.
Один голодный — голодный,
Миллионы голодных — Германия.

Рис. И. Семенова

ил, что население встречает нас

Семеро одного не ждут.

РУМЫНСКАЯ РАПСОДИЯ ЛИСТА (генерала, а не композитора)

Рис. А. Каневского

— В румынской армии принята новая тактика: раньше мы бегали под предводительством Антонеску, а теперь бегаем под предводительством Листа.

Генерал, получающий пощечины

БРАВЫЙ генерал, с ног до головы облепленный эполетами, крестами и медалями, стоит перед унтером.

Унтер сидит, развалившись в кресле, и пускает колечками дым из сигары. Генералу тоже хочется закурить, но он не смеет этого сделать в присутствии такой важной особы, как господин унтер-офицер. Генерал стоит на вытяжку, руки по швам, и вся его молодецкая фигура выражает один вопрос: «Чего изволите?»

— Ну, как дела, господин генерал? — спрашивает унтер. — Воюете?

— Так точно! — гаркнул генерал. — Воюем-с, господин унтер-офицер, не щадя живота...

Унтер глянул на круглый живот генерала и снисходительно сказал:

— Молодец! Живот нечего щадить. Воюйте.

— Рад стараться, господин унтер-офицер! — рявкнул генерал и вновь застыл на месте, продолжая глазами есть начальство, как и подобает истинному воину...

Кто он, его превосходительство? Румынский генерал Антонеску.

Фамилию унтер-офицера мы не знаем. Может, Мейер, Шульц или Кратц. Вообще лю-

бой немецкий унтер вправе помыкать любым румынским генералом, как ему (унтеру, а не генералу) заблагорассудится.

Генерал Антонеску беспрекословно выполняет все требования германской военищины, как бы они ни были оскорбительны.

Да и может ли вообще идти речь о самолюбии, о чувстве человеческого достоинства у этого человечка с лакейской душонкой?! «Чего изволите?» и «Рад стараться!» — вот те немногочисленные слова, с которыми ему позволено обращаться к германским захватчикам Румынии.

Зато захватчики из милости дали покорному генералу две неплохо оплачиваемые должности: Антонеску — глава румынского «правительства»; тот же Антонеску — главнокомандующий.

Но плохи пошли дела генерала по обеим должностям: в качестве «главы» он никак не может справиться с возмущением народа против германских оккупантов; в качестве главнокомандующего ему никак не удается заставить румынских солдат храбро сражаться во славу фашизма.

Все это кончилось очень печально для генерала. Наднях по приказу из Берлина его вышвырнули вон с поста главнокомандующе-

го. Вместо него командовать румынами будет немецкий генерал Лист.

Антонеску, получив такую увесистую пощечину, ничуть не обиделся. Он только одного испугался: не слишком ли больно арийской руке, угостившей его пощечиной?

Пока что Антонеску оставлен в Румынии в роли германского завхоза, которому приданы и полицейские функции.

— Чего изволите?.. Рад стараться! Антонеску немедленно издает грозный декрет: виновные в нападении на германские части и военные склады будут расстреливаться в 24 часа.

В суматохе генерал разболтал военную тайну. Своим приказом он подтвердил, что румынское население встречает германских оккупантов не цветами, что румыны нападают на германские части и военные склады.

Но со страху и не то бывает. Стареется генерал, не щадя живота. Бойтся генерал потерять и последнее местечко. Хозяин уж больно крутой, и надо приспособляться к его нраву.

И во всей Румынии раздается зычный голос Антонеску:

— Рад стараться!

Г. РЫКЛИН

Генерал сидел в кресле, жевал галеты и слушал доклад своего адъютанта.

Адъютант. ...в воздушном бою нашей авиацией сбито семь советских самолетов...

Генерал. Прекрасно!

Адъютант. На наши базы не вернулось сто шесть самолетов...

Генерал. Сколько?

Адъютант. Сто шесть.

Генерал. Может быть, они еще вернуться?

Адъютант. В истории авиации еще не было ни одного случая, чтобы сбитые самолеты возвращались.

Генерал. Очень жаль. Дальше.

Адъютант. В танковом бою нами уничтожено 4 советских танка...

Генерал. Великолепно!

Адъютант. Мы потеряли восемьдесят восемь танков.

Генерал. Сколько?

Адъютант. Восемьдесят восемь...

Генерал. Может быть, они еще...

Адъютант. И в истории танков этого не бывало.

Генерал. Плохая история. Дальше.

Адъютант. Все.

Генерал (испуганно). Сколько?..

Адъютант. Я говорю, сведения все.

Генерал. Ах сведения... Как вы меня испугали!

Адъютант. Как прикажете писать информацию?

Генерал. Гм!.. Вы говорите, в воздушном бою нами сбито семь самолетов, а потеряли мы сто шесть?

Адъютант. Так точно, господин генерал.

Генерал. Пишите наоборот.

Адъютант. Значит, так: в воздушном бою мы потеряли сто шесть самолетов, а сбили семь?

Генерал. Да не строчки наоборот, а цифры. В воздушном бою нами сбито сто шесть самолетов, мы потеряли семь.

Адъютант. Слушаю! И с танками наоборот?

Генерал. Все наоборот! В немецком народе надо поддерживать бодрость. Иначе ему будет плохо..

Адъютант. Наоборот.

Генерал. Что наоборот?

Адъютант. Иначе нам будет плохо.

Генерал. Потрудитесь не заглядывать в будущее!..

Адъютант. Слушаю, господин генерал!

Генерал. Ступайте...

Адъютант. Слушаю! (Идет и возвращается). Простите, господин генерал. Забыл...

Генерал. Что и сколько?

Адъютант. Нами был сброшен воздушный десант, который полностью уничтожен местными крестьянами. Как это писать наоборот?

Генерал. У вас арийская кровь и идиотская голова. Пишите: «Нами был сброшен воздушный десант, который полностью уничтожил местных крестьян».

Адъютант. Все?

Генерал. Все. Можете добавить: «На обратном пути десант захватил 120 вагонов пшеничной муки, которая наднях будет выдаваться в Берлине».

Адъютант. А это не опасно?

Генерал. Что опасно?

Адъютант. Прочтя такую информацию, вся Германия бросится в Берлин.

Генерал. Это вы правы. Тогда пишите: «...которая будет выдаваться в Берлине по окончании войны».

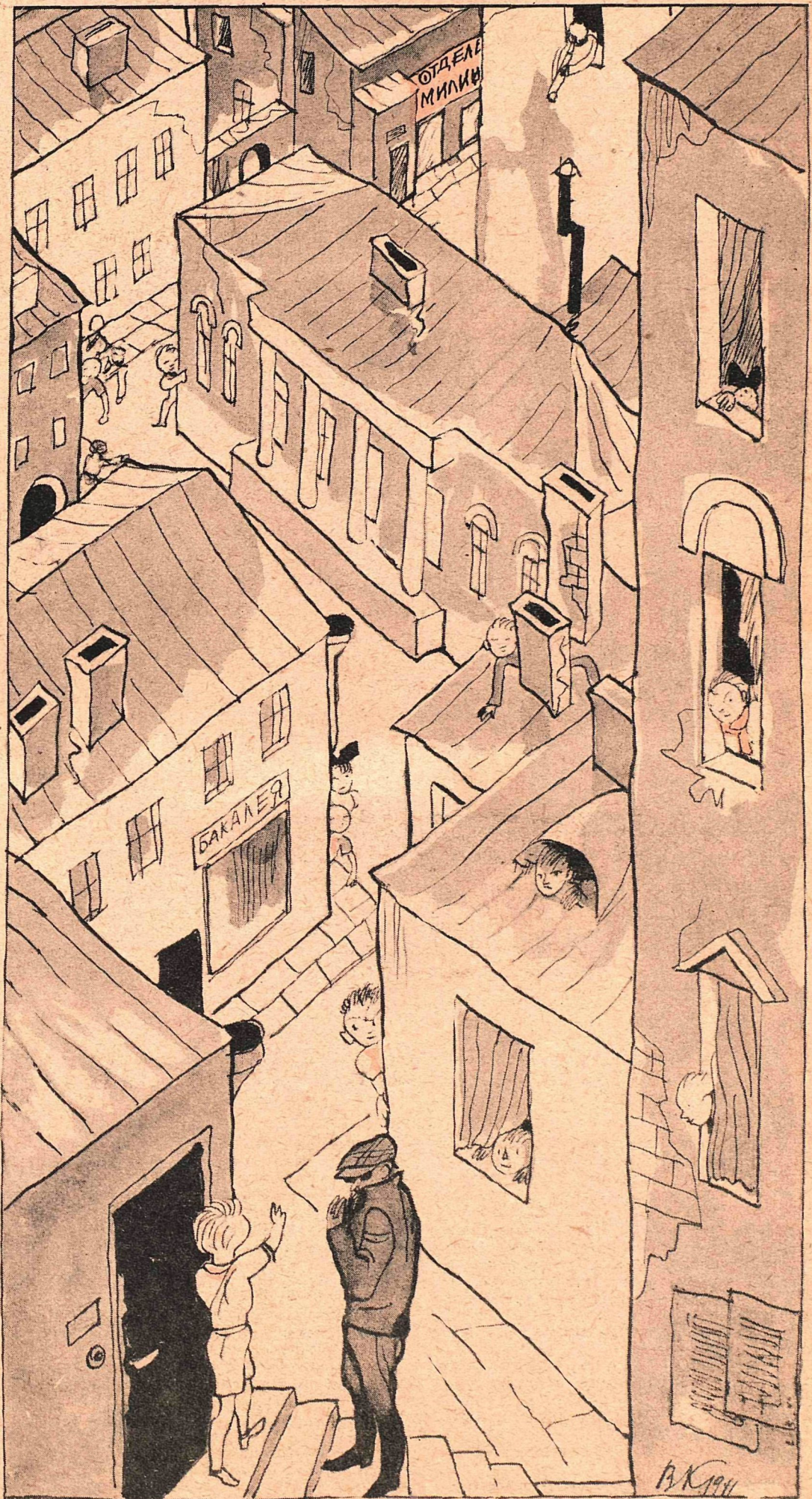
Адъютант. Опять нехорошо, господин генерал: наши голодные солдаты сразу же кончат воевать.

Генерал. Гм!.. Опять вы правы!.. Тогда знаете что: не будем захватывать муки. Ступайте!

Адъютант. Гейль!

Генерал. Гейль, гейль!..

ЯКОВ РУДИН

— Скажи, мальчик: как пройти на машиностроительный завод?
 — Прямо до угла, потом налево, потом первый переулок направо, второй дом с левой стороны. Впрочем, я вас сам провожу.

0-20
ЧИНЫ В ИТАЛЬЯНСКОЙ АРМИИ

Рис. Н. Радлова

Бригадный генерал.

Дивизионный генерал.

Корпусной генерал.

Пленный генерал.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 3 до 7 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц. Изд-во „Правда“.

А 40843 Москва. Изд. № 755

Подписано к печати 17/VII 1941 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78000.

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 2248. Тираж 250 000 экз.